

ДОМ ПОД СЕМЬЮ СТРЕЛАМИ

ТЫ КУДА, ОДИССЕЙ, ОТ ЖЕНЫ, ОТ ДЕТЕЙ?

Этот дом сразу привлекает внимание. Вроде бы обыкновенный пятиэтажный, с балконами, на которых вывешено для просушки белье, громоздятся коробки, домашний скраб. Таких домов в городе тысячи, но этот венчает церковный золотой купол. На четвертом этаже устроен храм Иконы Божией Матери Умягчения Злых Сердец, или, как ее называют в народе, Семистрельной иконы. Богоматерь держит в руках семь стрел, обращенных наконечниками вниз, символизируя тем самым окончание распри и междоусобиц. Семистрельная икона по мере сил оберегает несколько сотен жильцов, пытаясь смягчить их не злые, но во многом обремененные жизнью сердца.

С Татьяной Кузьминой, отвечающей за все хозяйство адаптационного центра, идем осматривать дом.

«За нарушение правил проживания, за невзвешивание в администрацию после докладных записок, за непройденный медицинский осмотр подлежат выселению: Агольцов, Бахромин, Черных...» В этом списке за март 48 человек. Все они вновь отправились скитаться по улицам. Но их места будут пустовать недолго, может быть, всего несколько минут.

— Куда же я пойду? Некуда мне идти. Регистрируй меня...

Серый обветренный человек в разбитых грязных ботинках, неопределенных лет, сидит на скамейке, хрипло дышит и смотрит себе под ноги. Его выдавший виды паспорт в руках дежурного администратора Елены Николаевны, в паспорте — прописка в Ивановской области.

— Не можем мы вас взять, у вас есть где жить, возвращайтесь домой к жене, детям.

— Домой мне хода нет — жена бьет, дети косятся...

Человек не хочет понять, что взять его не имеют права. Он затравленно оглядывается, с нескрываемой завистью бросая взгляды на спящих по коридору жильцов с кастрюльками, чайниками в руках, в его темных глазах закипают слезы.

— Говорят тебе — не возьмут! — напирают на ивановца очередные страждущие. — Шагай откуда пришел!

— Устал я...

Человек уходит. Дежурный администратор выслушивает следующего. Нервы у него железные, он как-то научился не реагировать остро на человеческую боль, иначе можно сойти с ума. А люди будут идти весь день. И день за днем. За первые три месяца 2004 года в центр обратились 403 человека. Из них без документов почти 65 процентов.

НА ПРОЖАРКУ СТАНОВИСЬ!

Центр рассчитан на мужчин и женщин. Он может принять до шестисот человек. В настоящий момент занято 563 места. Принимают в основном бывших москвичей. При себе необходимо иметь паспорт или справку, удостоверяющую личность, или

Есть люди, которые знают, что такое счастье. Это крыша над головой, постель, горячая еда. В Москве немало людей, которые по тем или иным причинам лишены крова, но они не лишены надежды обрести эти насущные земные радости. Главное — знать адрес, по которому нужно обратиться. Адрес такой: Иловайская улица, 2. Здесь размещается самый крупный в России центр социальной адаптации «Люблино» для лиц без определенного места жительства и занятий.

ФОТО АЛЕКСАНДРА МАТЮШКИНА

«бумагу» об освобождении из мест заключения. Если у человека нет вообще никакого документа, то и в этом случае его не оставят без внимания.

— Ну не выгонять же людей на улицу! — говорит заместитель директора центра Валентина Рагимханова. — Для нас это большая проблема — человек без документа. Раньше мы работали со спецприемником «Курьяновский», где в короткий срок можно было установить личность, а теперь мы лишены этой возможности, приходится тратить много сил и времени на эту трудоемкую процедуру. Я бы очень просила городские власти помочь в разрешении этой проблемы. Очень! Разве это так сложно?

Личности в «Люблино» особенные. Практически 70 процентов из них, мужчин и женщин, побывали в местах весьма отдаленных, что наложило неизгладимый отпечаток на их психологию, поведение, привычки. Много одиноких пожилых инвалидов. Стук костылей повсюду — на лестницах, в коридорах, на улице. Пахнет бинтами и йодом. Мелькают перевязанные ступни, руки, головы. В глазах подозрение и настороженность — чужих здесь не любят: зачем пожаловали? Травмированных, немощных, чуть ли не умирающих, привозят сюда со всей Москвы. Иные, прослышав о гостеприимном доме, приходят сами, чаще всего с железнодорожных вокзалов, где никак не удается толком

отоспаться от перестука колес, пассажирского гула и тычков дубинкой под ребро сердитых нарядов милиции.

— Вчера вот искали одного старика, — рассказывает Андрей Кажан, санитар, — позвонили нам, мол, старик оборванный и без ноги лежит без движения на Нижегородской улице. Обшарили всю улицу, в ближайшее метро спустились, не нашли. Нам часто звонят...

Работа у санитара Кажана не из приятных, приходится часто общаться с нездоровыми людьми, потерявшими человеческий облик. Он компенсирует это отутюженным застиранным халатом, который постоянно одергивает, и селедочным галстуклом, завязанным по последней моде, небрежно, крупным косым узлом. Вместе с фельдшером Кажан проводит первичный осмотр поступающих бомжей. Медики обязаны не пропускать граждан с педикулезом, чесоткой. Таковых сначала направляют в диспансеры, а потом уже поселяют в «Люблино».

— Это даже очень часто — вши да чесотка, — невесело улыбается Кажан, внимательно осматривая голову очередного гостя, беззубого, притихшего под его руками. — Ну что, отец, кажется, мы чистые? — Вшей, кажись, нема, — шамкает «отец» и счастливо смеется, закрывая рот двумя желтыми пальцами без ногтей.

Худощий гость раздевается и без особенного восторга — потому как отвык! — идет под душ, успевая перед этим заме-

тит, что его куцее пальтишко и прочая амуниция летят в специальный дезинфицирующий шкаф.

— Э-э, вещички-то куда?!
— На прожарку, — невозмутимо отвечает Кажан и подталкивает того под струи горячей воды.

КТО И КАК В ТЕРЕМЕ ЖИВЕТ

Помимо крыши над головой адаптационный центр предоставляет справку о регистрации в столице сроком на один месяц, с последующим продлением по мере необходимости. Тот, кто однажды выпал из списка московских граждан и даже с трудом вспоминает свою фамилию и год рождения, получив на руки документ, вновь становится полноправным членом общества и может смело идти, скажем, на завод зарабатывать деньги. Постояльцы этого дома люди свободные — могут работать, а могут спать и смотреть сны о лучшей жизни. После бесплатного, но сытного обеда, который можно получить по талону в первые три месяца пребывания, спится отлично.

— А я вот на ППС ударничаю, на подшивниковом, у нас с ними договор, — сообщает Андрей Коваль, хитро щурясь, — очень люблю я на заводах действовать, моя стихия!

— Коваль, хватит ерничать! — замечает ему Татьяна Викторовна. — Посерьезнее!
— Я не ерничая, — вытягивается в струнку высокотехнический Коваль и кричит: — Кипяточку гостям!

В комнатах проживают от двух до тридцати человек. По двое-трое живут в недавно отремонтированном корпусе, куда селят тех, кто не отличается пристрастием к горячительным напиткам и необдуманным поступкам, семейных, кто нашел работу и желает в конце концов покинуть этот дом, получив собственное жилье. Тридцать человек — мера вынужденная, потому что правительством обязало адаптационный центр принимать всех без исключения, особенно в зимнее время. Ради этого пришлось закрывать просторные мастерские и ставить в них кровати. Зато все желающие обрели пристанище. Администрация центра активно помогает через суды добиться восстановления прав на жилплощадь тем, кто был лишен недобросовестными родственниками, аферистами.

— Я вот пока сидел, милитоны мою квартиру продали, — говорит Виктор Сергеевич, человек в очках, удерживаемых на голове веревочкой. — Подделали мою подпись под документами и — фьюйть! — продали. Душевный народец у нас в органах, оборотистый...

Женщины живут почище мужчин. Что-то старательно и задумчиво готовят на кухнях, аккуратно вынимая из пакетов припасенную снедь. В комнатах у них цветы, мягкие игрушки и разговоры о лучшей доле. Сухонькие старушки лежат неподвижно, глядя в потолок, и только шевелят пальцами, отвечая на приветствие. Есть и другие старушки, непоседливые.

— Татьяна Викторовна, немедленно решите вопрос уборки мусора с этажа. Немедленно!

— Разве вы сами не можете договориться между собой?

— Не можем, мы свое отработали, хватит! Мужская половина живет не так зажиточно и красиво. Есть и такие, кто не пони-

мает вкуса свежего воздуха и потому постоянно держит окна своих комнат закрытыми. Войти туда практически невозможно, висит такая тугая «спираль», что глаза закрываются сами собой, рука без дополнительных команд зажимает нос, а ноги уже поворачиваются на сто восемьдесят градусов.

— Да что вы, Татьяна Викторовна, нам в самый раз! Надыхали маленько...

Жить можно на Иловайской-2, особенно тем, кто уже и не помнит, как живут обычные люди. Есть медпункт, телевизионные комнаты, кухни, работает швейная мастерская, где шьется белье для постояльцев дома, они получают его бесплатно. «Модели» разрабатываются тут же, под руководством Светланы Сердюковой, мастера. Но, оказывается, не каждый может получить право работать в швейной мастерской. Человек должен быть уравновешен, спокоен, без привычки кидаться на соседа или соседку с ножницами в руках. Здесь, в мастерской, женщины совершенно теряют внешнюю принадлежность к миру бродяг и, сидя за швейными машинками в окружении цветастых полотен материи, выглядят совершенно по-домашнему. Важно, что в этой мастерской они получают профессию, которая худо-бедно может прокормить.

— Мы хотим, чтобы все наши постояльцы чувствовали себя достойными людьми, — говорит Валентина Рагимханова. — Стараемся окружить заботой и теплом каждого из них, только так можно вызвать ответную положительную реакцию, создать особенный микроклимат в нашем доме. Это нам удается. Не скажу, что это очень легко, но такой уж у нас коллектив — дружный и сплоченный. Хотите верить, хотите — нет...

Пока мы совершали экскурсию по дому с Татьяной Викторовной, нигде не слышно было резкого начальственного окрика, ругани, не заметно запустения и уныния, которые так отравляют жизнь. В коридорах царило оживление — раздавали бесплатные талоны на обед, кто-то зазывал заглянуть в его комнату, оценить оранжерею цветов и необыкновенный порядок на балкончике, кто-то спешил в город, щедро пролив на себя резкий одеколон. А у выхода стоял человек, прикованный наручниками к перилам... Человек застенчиво улыбался.

— Да вот, охранники приковали, чтоб не сбежал, — объяснял он, отвечая на недоуменные взгляды. — Бумага пришла из милиции на тех, кто в розыске. Подозревают вот... А я ничего, вот он я — берите.

Все-таки не такая уж безмятежная жизнь на Иловайской. Все-таки особенные люди стекаются сюда со всех сторон. Алкоголь и наркотики, как бы с ними ни боролись, находят здесь себе пристанище, нет-нет да проскакивает искра ссоры, мелочного раздора, и иногда по вечерам службе охраны приходится поработать, успокаивая тех, кто позабыл, где находится.

Дом на Иловайской помнят и наши политики. На Новый, 2004 год приехал Владимир Жириновский. Вероятно, увиденное произвело на него впечатление. Был он скромнее, тих, долго общался со своими потенциальными избирателями, которые, обладая справкой о временной регистрации, имеют полное право голосовать и быть избранными.

Игорь ЯСЮКОВ

Калитниковское, Рогожское, Ваганьковское, Пятницкое, Миусское, Даниловское... — старые кладбища Москвы. Если взглянуть на карту, то заметишь, что все они находятся вдоль третьего транспортного кольца — старой границы Москвы.

Связано это с тем, что общественные кладбища появились в городе только во второй половине XVII века. До этого богатых горожан хоронили на территориях монастырей, простолудинов — около приходских храмов. Но освоенных мест не хватало, и вышел царев указ: «Лиц незнатного рода в черте города не хоронить». А тут еще чума в 1771 году нагрянула — именно к этому времени и относятся появления перечисленных кладбищ (кроме Рогожского, старообрядческого — там своя история).

В 30-е годы прошлого века некоторые кладбища (Лазаревское, Дорогомиловское и другие) были уничтожены, правда, родственникам дали возможность перезахоронить останки.

Сейчас старые кладбища для новых погребений закрыты, разрешают хоронить только в те могилы, где покоятся родственники усопшего. Для массовых захоронений уже за нынешними границами города появились новые места: Хованское, Митинское, Востряково... Когда-нибудь по их месторасположению отме-

СТАРЫЕ ПОГОСТЫ

тют границу мегаполиса начала XXI века. А сейчас эти новые кладбища шокируют могилами, вырытыми ровным строем (как экскаватором), поточной «работой». Как современное жилье — массовые многоэтажные улы, так и «вечные квартиры» ему под стать. На старых кладбищах все по-другому: индивидуально и таинственно.

По мнению директора Пятницкого кладбища Александра Глазко, на погосте можно проследить всю историю архитектуры захоронений в России: одно время ставили высокие стелы, потом — прямоугольные надгробия из черного гранита. Посреди кладбища стоит большая часовня. По легенде, это... надгробие на могиле одной из водочных купчих. Есть на Пятницком и два аккуратных черных обелиска — декабристам Басаргину и Якушкину, есть могила Чижевского (чи «люстры») сейчас так популярны), захоронение Ростоличных...

Но, пожалуй, самое достопримечательное место — «площадка Грановского». На огороженном пространстве примерно метров 15 на 15 стоит стела в память профессора Московского университета Грановского, которого студенты так любили, что несли гроб с телом на руках от университета по Сретенке до кладбища. Рядом находятся захоронения нескольких людей, близких к кружку Грановского, и памятник знаменитому актеру Щепкину.

Летом запущенность могил Щепкина и Грановского особенно бросается в глаза. А ведь есть спе-

циальное постановление, которое предписывает следить за воинскими захоронениями, обелисками, памятниками. Увы, за могилами других людей, оставших след в истории России, местные власти следят не упоминательно.

— У нас в городе есть объединение старых кладбищ «Некрополь», в которое входят Новодевичье, Ваганьковское, Пятницкое и другие, где есть захоронения известных людей, и именно «Некрополь» занимается проблемами этих могил, — говорит Глазко. — Но они никаких работ не ведут. Бывает, конечно, что к годовщине что-то отремонтируют, например, к юбилею Пушкина привели в порядок захоронение Ростоличных из рода генерал-губернатора Москвы. А так только мы и убираем — по собственному почину.

Существуют ли правила относительно заброшенных могил? Оказывается, нет даже такого понятия. По словам Алексея Михайловича, такие могилы они сами выявляют по внешним признакам, приезжает комиссия, оформляет документы, и только после этого разрешается на этом участке хоронить. Но такое происходит нечасто. Иногда вообще запрещают хоронить, и не потому, что кладбище собираются ликвидировать, часто это обусловлено состоянием грунтовых вод, из-за чего захоронения запрещают СЭС.

Глазко работает в этой системе уже 20 лет, и, по его мнению, принятое в 1995 году постановление о

разграничении полномочий между городскими властями и созданным тогда ГУП «Ритуал» оказалось удачным. Власти занимаются только хозяйственными проблемами. Это же постановление позволило навести порядок и в денежных потоках. «Мы сейчас существуем и за счет бюджета, но и зарабатываем сами, — говорит директор. — Некоторые работы выполняем бесплатно — например, за наш счет хороним одиноких людей». А зарабатывают деньги кладбища на дополнительных услугах: изготовлении памятники, ограды. Цены ограничены опять же постановлениями.

Собственно вопросами захоронения занимается «Ритуал», сегодня в Москве функционируют 17 его отделов. Предприятие государственное, поэтому и расценки тоже регламентированы. Вот прейскурант Пятницкого кладбища:

- доставка предметов ритуала в один адрес - 260 руб.;
- перевозка тела - 510 руб.;
- погребение тела - 1000 руб.;
- гроб или деревянный ящик - от 460 руб.;
- рытье могилы - 1250 руб.;
- кремация - 1250 руб.;
- капсула - 35 руб.;
- урна - 75 руб. и т. д.

Минимальный набор услуг обойдется около 2,5 тысячи рублей.

По мнению директора Пятницкого кладбища, последние пристанища — особые места. Но Алексей Михайлович замечает: «Я просто занимаюсь хозяйственными делами. Но всегда думаю о том, что в последний путь человека надо проводить достойно»...

Ольга МИРОНОВА